

ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ЗАДАЧ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА ЧЕРЕЗ ПРИМИРИТЕЛЬНО-КОМПЕНСАЦИОННЫЕ ПРОЦЕДУРЫ

А.Г. КАЛУГИН

Рассматриваются проблемы реализации задач в уголовно-процессуальном законодательстве РФ и правоприменительной практики посредством компенсационно-примирительных процедур.

Одной из форм разрешения уголовного дела является прекращение уголовного преследования в обмен на позитивное постпреступное поведение виновного лица, которое выражается в заглаживании (компенсации) причиненного вреда и примирении на этой почве с потерпевшим.

К такого рода компенсационно-примирительным процедурам из всего перечня предусмотренных ныне действующим уголовно-процессуальным законодательством можно отнести три основания прекращения уголовного дела (уголовного преследования): деятельное раскаяние (в тех случаях, когда оно выражается именно в заглаживании причиненного потерпевшему вреда), примирение с потерпевшим по делам публичного и частно-публичного обвинения (ст. 25 УПК РФ) и примирение сторон по делам частного обвинения (ч. 2 ст. 20 УПК РФ).

Представляется, что такое процессуальное решение объективно можно считать законным и обоснованным, если при его принятии были успешно решены задачи уголовного судопроизводства применительно к конкретному факту, в связи с которым было возбуждено и осуществлялось производство.

В связи с этим уместно обратиться к той оживленной дискуссии, которая в период после принятия Уголовно-процессуального кодекса (далее – УПК) РФ развернулась вокруг таких уголовно-процессуальных категорий, как цель и задачи уголовного судопроизводства. П.С. Элькинд отмечала, что категория «цель» – философская, а категория «задача» имеет более практическое значение. Если познание направлено на всю систему взаимосвязей данной категории вообще и в сфере

конкретных общественных отношений в частности, то используется понятие «цель». В тех же случаях, когда речь идет о выражении содержания этой категории в определенных правилах поведения, в нормативных актах, в направленности конкретной практической деятельности, целесообразно пользоваться понятием «задачи» [1, с. 37–39].

Часть авторов склонна рассматривать в качестве задач уголовного судопроизводства многие современные положения, сформулированные в ст. 6 УПК РФ [см., напр.: 2; 3 и др.]; высказывается точка зрения, что назначение уголовного судопроизводства – это отправной момент уголовно-процессуальной деятельности, исходные задачи, а не её результат [4, с. 18]; именно в них сформулирован социальный заказ общества [5, с. 30].

Другая часть ученых-процессуалистов отождествляет те же положения ст. 6 УПК РФ с целями уголовного судопроизводства [6, с. 20], указывая при этом на необходимость разграничивать понятия «цели» и «задачи» уголовного судопроизводства.

Вместе с тем, трудно не согласиться с мнением третьей группы авторов, указывающих на то, что содержание ст. 6 УПК РФ отнюдь не охватывает всего спектра задач, реально стоящих перед уголовным судопроизводством, и не содержит четко сформулированных целей [см., напр.: 7; 8], которыми и должны определяться задачи любого вида социальной деятельности, в том числе и уголовного судопроизводства.

В литературе встречаются подходы, объединяющие несколько компонентов в качестве целей. Так, Ю.К. Орлов определяет три цели уголовного процесса: установление

истины и принятие на этой основе правильного и справедливого решения; соблюдение прав личности при осуществлении судопроизводства; а также упоминает о воспитательно-предупредительном значении уголовного судопроизводства [9, с. 52]. Другой подход предлагает С.П. Ефимичев: главное назначение уголовного судопроизводства состоит в обеспечении законного, обоснованного и справедливого применения к лицам, совершившим преступление, норм уголовного права, устанавливающих уголовную ответственность и наказание за совершение конкретных преступлений [10, с. 5]. Очевидно, это и следует, по мнению названного автора, считать целью уголовного судопроизводства.

Обратившись к содержанию уголовно-процессуальной деятельности, мы можем убедиться, что так или иначе она направлена на установление (доказывание) факта совершения преступления и изобличения в его совершении конкретного лица с тем, чтобы адекватно и справедливо применить к нему меры уголовно-правового воздействия. Уголовно-процессуальные правоотношения возникают в связи с объективно возникшим в момент совершения преступления материальным (уголовным) правоотношением и прекращаются по двум основаниям: а) если наличие в действиях конкретного лица признаков преступления не подтвердилось; б) в результате применения к конкретному лицу той или иной меры уголовно-правового воздействия. Поэтому суждение о том, что целью уголовно-процессуальной деятельности является обеспечение справедливого и обоснованного применения норм материального уголовного права представляется наиболее точным. Если исходить из традиционных для российской юридической науки представлений о первичности материального права и его приоритете перед процессуальными нормами, выполняющими обеспечивающую функцию в правоприменении, то упомянутую формулировку цели уголовного судопроизводства можно расценить как достаточную. Остальные исходные, детерминирующие положения уголовно-процессуального законодательства следует рассматривать в качестве задач.

Перечень их, как уже было отмечено выше, не исчерпывается формулировкой ст. 6 УПК РФ, поскольку их круг так или иначе обусловлен задачами уголовного закона, сформулированным в ч. 1 ст. 2 УК РФ (охрана прав и свобод человека и гражданина, собственности, общественного порядка и общественной безопасности, окружающей среды, конституционного строя Российской Федерации от преступных посягательств, обеспечение мира и безопасности человечества, а также предупреждение преступлений).

Первую задачу представляется возможным сформулировать следующим образом: защита прав и законных интересов граждан и организаций, потерпевших от преступлений, а также защита интересов государства и общества в целом, в том числе защита основ конституционного строя и безопасности государства, общественной безопасности и нравственности [11, с. 26; 12, с. 30]. Очевидно, что эта формулировка значительно шире ч. 1 ст. 6 УПК РФ, которая носит ярко выраженный частный характер [13, с. 55], что никак не согласуется с традиционно публичным характером российского уголовного процесса.

Вторая задача, на наш взгляд, достаточно адекватно сформулированная законодателем в ст. 6 УПК РФ, – защита личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения её прав и свобод,

Третья задача, на которую следует обратить внимание, несмотря на то, что она не сформулирована в ст. 6 УПК РФ, – установление истины по уголовному делу. На её наличие и значимость для определения содержания всей уголовно-процессуальной деятельности указывает то, в каком контексте она фигурирует в ст. 73 и ч. 2 ст. 154 УПК РФ.

Одни авторы утверждают, что познание истины составляет цель всего уголовного процесса [14, с. 19; 15, с. 54], другие рассматривают её только как цель доказывания, третьи – и как цель доказывания, и как один из компонентов комплекса целей уголовного процесса, и как его принцип [1, с. 32–33; 16, с. 24]. Отдавая должное приведенным позициям, полагаем, что необходимо всё-таки исходить из представлений о познании истины в уголовном процессе не как о самоцели, а

как о средстве, без которого объективно не представляется возможным полноценное решение всех остальных задач уголовного судопроизводства [17, с. 48].

Существует мнение, что постановка вопроса о существовании уголовно-процессуальной истины неправомерна, а можно и нужно говорить лишь об истинности способа осуществления уголовно-процессуальной деятельности, но не её результата [18, с. 48]. Иными словами, цель – ничто, процесс – всё. Однако социальная деятельность, да ещё связанная с применением максимально жестких мер государственного принуждения, осуществляемая ради самой деятельности, без четко определенной цели и конкретно сформулированных задач не просто бессмысленна, она крайне опасна.

Наконец, четвёртая задача уголовно-процессуальной деятельности, также обусловленная задачами уголовного права, – предупредительно-воспитательная, поскольку не только назначенное осужденному наказание, но и сама процедура расследования и судебного разбирательства уголовного дела несет в себе мощный превентивный и воспитательный потенциал, который, к сожалению, недооценивается как многими теоретиками, так и практическими работниками.

Проанализируем степень реализации этих задач в случае принятия решения о прекращении уголовного дела (уголовного преследования) с применением компенсационно-примирительных механизмов разрешения уголовно-правового конфликта.

Что касается решения первой задачи – защиты прав и законных интересов потерпевших, а также интересов общества и государства в целом, то следует констатировать, что она более или менее адекватно реализуется лишь при прекращении уголовного преследования с связи с примирением сторон в порядке, установленном ст. 25 УПК РФ, поскольку в качестве обязательных условий принятия данного процессуального решения закон закрепляет наличие ходатайства потерпевшего и максимально возможное заглаживание виновным лицом причиненного вреда. Применение деятельного раскаяния никак не учитывает мнения потерпевшего и

далеко не обусловлено возмещением ущерба. Законодатель предоставляет потерпевшему самостоятельно отстаивать свои нарушенные права в порядке гражданского судопроизводства (ч. 4 ст. 213 УПК РФ).

Как показывает правоприменительная практика, наиболее эффективным является применение компенсационно-примирительных процедур по делам о преступлениях, причинивших имущественный вред. Потерпевший больше всего заинтересован в возмещении материального ущерба, и меньше всего его волнует, какое именно наказание понесет виновный, обвиняемый готов «платить любые деньги», лишь бы остаться на свободе, государство же в лице суда или органов предварительного расследования готово щедро проявлять гуманизм в отношении «раскаявшегося» преступника.

По делам о семейно-бытовых преступлениях речи о возмещении какого-либо материального вреда не идет, так как его чаще всего и не бывает. Говорить о денежной компенсации физического и морального вреда в ситуации, когда потерпевший и причинитель вреда являются членами одной семьи и ведут общее хозяйство, попросту несерьезно. Кроме того, по той же причине (имеется в виду определенная степень экономической зависимости остальных членов семьи от виновного лица) получить формальное прощение и заставить потерпевших отказаться от каких бы то ни было претензий для обвиняемого не составляет никакого труда.

В результате не только первая, но и четвертая задача уголовно-процессуальной деятельности – воспитательно-профилактическая – в должной мере не реализуются, а зачастую превращаются в свою противоположность.

Выход из сложившегося положения нам видится в следующем: с учетом расширения состязательных начал и разделения процессуальных функций контроль законности и обоснованности освобождения обвиняемого (подозреваемого) от уголовной ответственности, с нашей точки зрения, должен осуществлять только суд, причём с согласия не только прокурора, но и потерпевшего, гражданского истца, если они участвуют в процессе. Пред-

ставляется также, что прекращение уголовного преследования в связи с освобождением лица от уголовной ответственности должно носить условный (с определенным испытательным сроком) и обратимый характер: в случае совершения новых преступлений в пределах испытательного срока или срока давности привлечения к уголовной ответственности должна сохраняться возможность отмены решения об освобождении от уголовной ответственности и направления уголовного дела в суд для осуждения виновного.

Примирение сторон по делам частного обвинения вообще является императивным основанием для прекращения производства по уголовному делу и не связано ни с какими дополнительными условиями. Возникновение и прекращение уголовно-процессуальных отношений закон связывает исключительно с желанием или нежеланием пострадавшего лица обращаться за уголовно-правовой защитой к государству. По мнению законодателя, общественная опасность деяний, отнесенных к категории частного обвинения, настолько мала, что не требует публичного вмешательства. Фактически же такое процессуальное основание, как отсутствие заявления, «уравнивается в правах» с материально-правовым основанием – отсутствием общественной опасности, т. е. признаков преступления. Действует принцип «нет заявления – нет преступления», каким бы абсурдным с точки зрения теории уголовного права это не казалось.

Вместе с тем, предоставленная ч. 4 ст. 20 УПК РФ возможность возбуждать уголовные дела такой категории в публичном порядке в случаях, когда пострадавшее лицо само не имеет объективной возможности защищать свои права, возникла не случайно, и потребность в её применении достаточно велика. К сожалению, оговорка законодателя о том, что и в данном случае ничто не мешает прекратить дело за примирением сторон, сводит на нет общественную полезность этой нормы. Представляется целесообразным на уголовные дела категории частного обвинения, возбужденные в публичном порядке, распространить публичный же порядок прекращения, о котором было сказано выше.

Вторая задача – защита личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения её прав и свобод, на наш взгляд, в достаточной мере реализуется за счет детальной регламентации в законе условий и порядка прекращения уголовного преследования, возможности обжалования принятого процессуального решения.

Рассмотрим, каким образом согласуется существующий порядок прекращения уголовного преследования в связи с примирением сторон или деятельным раскаянием с задачей установления истины; нуждается ли он в установлении истины объективной или только формальной [19, с. 6; 20, с. 14] либо он вообще не направлен на поиск истины.

Нами был проведен опрос сотрудников органов предварительного следствия и специализированных подразделений дознания (всего было опрошено 310 сотрудников органов предварительного следствия и дознания из 19 регионов Сибири и Дальнего Востока), в ходе которого 34 % респондентов указали, что решающим мотивом при принятии решения о прекращении уголовного преследования по нереабилитирующим основаниям для них является сомнение в достаточности доказательств для направления дела в суд (еще 21 % опрошенных поставили этот мотив на второе по значимости место), а 12,3 % – стремление сохранить хорошие показатели в ситуациях, когда из материалов дела фактически усматриваются реабилитирующие основания для прекращения производства. Только 30 % сотрудников органов расследования на первое место поставили стремление обеспечить защиту прав и интересов потерпевших, а 17,7 % – стремление дать справедливую юридическую оценку проявленному обвиняемым деятельному раскаянию. Таким образом, серьезным деформирующим фактором, влияющим на принятие сотрудниками органов расследования решений о прекращении уголовного преследования в связи с примирением сторон или деятельным раскаянием, является существующая система критериев оценки их деятельности, в которой прекращение уголовного дела по любым основаниям считалось и считается отрицательным результатом [21].

Действует установка: всё, что можно (иными словами, всё, что подкреплено хоть какими-нибудь доказательствами), должно быть направлено в суд. Соответственно, прекращаются, как правило, лишь те дела, где явно не достаточно доказательств виновности или причастности подозреваемого к преступлению; при этом в постановлении о прекращении дела констатируется факт совершения этим лицом преступления.

Стремление к достижению истины не абсолютно и, сталкиваясь с иными охраняемыми законом правами личности, это требование может отходить на второй план. В частности, законом предусмотрен целый ряд случаев, когда лицо вправе отказаться от дачи показаний. С этих позиций компенсационно-примирительные процедуры могут рассматриваться как вполне приемлемое средство решения задач уголовного судопроизводства, но при наличии достаточно надежных процессуальных гарантий, обеспечивающих баланс прав и законных интересов участников процесса как со стороны защиты, так и со стороны обвинения (речь идет, прежде всего, о потерпевшем и гражданском истце). Такими гарантиями, как уже было сказано выше, могут послужить, во-первых, обязательное получение согласия потерпевшего (гражданского истца), а также судебный порядок принятия окончательного решения по делу (в настоящее время он уже предусмотрен в качестве обязательного элемента процедуры прекращения уголовного преследования в ст. 427 УПК РФ).

1. *Элькинд П.С.* Цели и средства их достижения в советском уголовно-процессуальном праве. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1976.
2. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под ред. А.Я. Сухарева. – 2-е изд., перераб. – М.: Норма, 2004.
3. Научно-практический комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под ред. В.М. Лебедева, В.П. Божьева. – М.: Спарк, 2002.
4. *Сереброва С.П.* О цели современного уголовного судопроизводства России // Российский судья. – 2005. – № 6.
5. *Зажичкий В.И.* О направлениях совершенствования Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации // Государство и право. – 2004. – № 4.
6. *Дорошков В.В.* Мировой судья. Исторические, организационные и процессуальные аспекты деятельности. – М.: Норма, 2004.
7. *Лонь С.Л.* Судебное разбирательство уголовных дел: назначение, задачи, элемент регулирования социальных отношений // Социальное и пенсионное право. – 2006. – № 3.
8. *Даровских Ю.В.* Функции уголовного процесса: соотношение задач уголовного закона и назначения судопроизводства // Совершенствование деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью в современных условиях. – Тюмень, 2005.
9. *Орлов Ю.* Принцип состязательности в уголовном процессе: значение и пределы действия // Российская юстиция. – 2004. – № 2.
10. *Ефимичев С.П., Ефимичев П.С.* Принцип состязательности и его реализация в уголовном судопроизводстве // Российский следователь. – 2005. – № 1.
11. Научно-практический комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / под общ. ред. В.М. Лебедева; науч. ред. В.П. Божьев. – М.: Спарк, 2003.
12. *Смирнов А.В., Калиновский К.Б.* Уголовный процесс: учебник для вузов / под общ. ред. А.В. Смирнова. – СПб.: Питер, 2004.
13. *Багаутдинов Ф.* Отражение публичных и личных интересов в принципах уголовного судопроизводства // Уголовное право. – 2002. – № 4.
14. *Тыричев И.В.* Принципы советского уголовного процесса. – М., 1983.
15. *Резник Г.М.* Внутреннее убеждение при оценке доказательств. – М., 1977.
16. *Мотовиловкер Я.О.* О принципах объективной истины, презумпции невиновности и состязательности процесса. – Ярославль: Ярослав. ун-т, 1978.
17. *Шпилев В.Н.* Содержание и формы уголовного судопроизводства. – Минск: Изд-во БГУ, 1974.
18. *Мизулина Е.Б.* Уголовный процесс: концепция самоограничения государства. – Тарту: Тартуский ун-т, 1991.
19. *Мухин И.И.* Объективная истина и некоторые вопросы оценки судебных доказательств при осуществлении правосудия. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1971.
20. *Азаров В.А.* Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: двойные стандарты в установлении истины? // Вестник Томского государственного университета. Серия: Экономика. Юридические науки. Приложение № 4. – 2003. – Февр.
21. Вопросы оценки деятельности органов внутренних дел Российской Федерации, отдельных подразделений криминальной милиции и милиции общественной безопасности, органов предварительного расследования и органов внутренних дел на транспорте: Приказ МВД России от 5 августа 2005 г. № 650 // СПС «Консультант Плюс».